

Благодарности

Первое издание «Тим Бёртон: беседы» было опубликовано в 1995 году и состояло из интервью за 1988–1994 годы. Затем в 1999 году вышло пересмотренное издание, совпавшее с премьерой «Сонной Лощины»: оно содержало интервью с января по апрель 1999 года. В дополнительные материалы ко второму переизданию вошли интервью, взятые с января 2001 по март 2005 года. Бёртон давал их на съемочной площадке и во время постпродакшна «Планеты обезьян» и «Крупной рыбы», на съемках «Чарли и шоколадной фабрики», а также в Лондоне с января по март 2005 года, пока «Чарли» и «Труп невесты» находились в процессе монтажа.

Разумеется, я в неоплатном долгу перед Тимом Бёртоном, который продвигал и поддерживал этот проект с самого первого дня. В течение десяти лет он терпеливо и охотно отвечал на многочасовые расспросы, щедро одаривал нас своим личным временем и размышлениями. Спасибо ему!

Я также искренне благодарен несравненному Дереку Фрею, правой руке Бёртона, который столь же обаятелен, сколь и профессионален. Я восхищаюсь твоим энтузиазмом и благодарен тебе за помощь в организации интервью и многого другого.

Моя благодарность и признательность Джонни Деппу за два одинаково проникновенных и очень личных предисловия и за его любящее, трогательное и сердечное отношение к этой книге, что само по себе бесценно. Да, ты заставил меня подождать, но оно того стоило...

Было много людей, которые оказывали поддержку, всячески направляли и помогали на протяжении всего создания этой книги. Большинство из них я уже благодарил ранее, но в этом издании мне бы хотелось отдельно

выразить признательность Ричарду Д. Зануку, за его замечательные старомодные манеры, щедрое гостеприимство, потрясающие голливудские истории и наше чудесное чаепитие в отеле «Кларидж»; неизменно очаровательной Саре Кларк, сделавшей мои многочисленные визиты на площадку «Чарли и шоколадная фабрика» такими восхитительными; Питеру Маунтину за его фантастический снимок для обложки; Эллисон Эббейт, любезной хозяйке на съемках «Труппа невесты»; и Кристи Дембровски за ее постоянные подсказки и помощь в выборе цитат...

Также хочу поблагодарить Уолтера Донохью, моего умудренного жизнью и убеленного сединами редактора из Faber and Faber за его гибкость с дедлайнами и многое другое, Ричарда Т. Келли, который держал оборону в очень трудный период, Эйлин Питерсон, Хелену Бонэм Картер, Джона Августа, Алекса Макдауэлла, Майка Джонсона, Фелисити Даль, Кэти Хайнцельман, блестящего оператора Эммануэля Любецки, Бренду Беррисфорд и Джейн Тротман.

И наконец, моя любовь и сердечная признательность удивительной Лауре. Причин на то слишком много, чтобы братья за их перечисление: просто знай — ты лучшая!

Марк Солсбери

Предисловие Джонни Дедпа

Зимой 1989 года я был в Ванкувере, Британская Колумбия, снимался в телесериале. Это была очень сложная ситуация: связанный контрактом, я занимался проходными проектами, чуть ли не фашистскими по своему духу («Джамп стрит, 21», полицейские под прикрытием в школе — боже правый!). Казалось, мой дальнейший путь пролегает между «Дорожным патрулем» и «Джоани любит Чачи». Вариантов было не так уж много: 1) проявить себя как можно лучше, обойдясь минимальным ущербом; 2) как можно скорее нарваться на увольнение, что повлечет за собой большие неприятности; 3) уволиться и подвергнуться судебному преследованию, которое высосет не только мои средства, но и средства моих детей и детей моих детей и т. д. (и вдобавок наградит меня сильнейшим раздражением в паху и опоясывающим лишаем, что пробудет со мной до гробовой доски и еще внукам по наследству перейдет). Как я уже сказал, передо мной и впрямь стояла дилемма. Третью опцию стараниями моего адвоката пришлось исключить. Второй вариант я честно попробовал, но увольнять меня не захотели. Наконец, остался первый вариант — делать свою работу, прикладывая все возможные усилия.

Минимальный ущерб вскоре обернулся потенциальным саморазрушением. Я был разочарован в себе и в том бесконечном тюремном заключении, к которому приговорил меня бывший агент, намереваясь спасти от безработицы. Я застрял, заполняя собой пространство между рекламными роликами. Бессвязно бормотал какие-то слова из сценария, который толком не читал — не мог себя заставить (что спасло меня от яда, сочащегося со страниц таких сценариев). Я чувствовал себя сбитым с толку, потеряннным, застрявшим в образе молодого республиканца, который в ту пору охотно тиражировали, пихая в глот-

ки добропорядочных американцев. Парень с телевидения, сердцеед, кумир подростков, красавчик. Загримированный, манерный, запатентованный, напوماженный, пластиковый! Словно сошедший с коробки хлопьев, он уже поставлен на колеса и со скоростью 200 миль в час мчится по встречной полосе дороги с односторонним движением, чтобы закончить путь картинкой на стариковских термосах и допотопных ланч-боксах. Мальчик-новинка, мальчик-франшиза. Затюканный всеми и выжатый как лимон, без шанса вырваться из этого кошмара.

И вот однажды мой новый агент, ниспосланный мне с небес, показал мне сценарий. Это была история парня с ножницами вместо рук — невинного изгоя, обитавшего в пригороде. Я буквально проглотил сценарий и под конец плакал, как младенец. Потрясенный тем, что кому-то хватило ума вначале придумать, а потом еще и воплотить на бумаге такую историю, я сразу же перечитал ее еще раз. Сценарий тронул меня настолько, что невольно пробудил воспоминания: о собаках, которые были у меня в детстве, об ощущении собственной странности и глупости, сопровождавшем меня на протяжении всего периода взросления, и о безусловной любви, на которую способны только дети и собаки. Я почувствовал такую сильную связь с этой историей, что стал ей просто одержим. Я прочитал все детские рассказы, сказки, книги по детской психологии, «Анатомию Грея», что угодно, все, до чего мог дотянуться... А потом на меня накатила *реальность*. Я был мальчиком с телевидения. Ни один режиссер в здравом уме не дал бы мне сыграть такого персонажа. У меня не было ролей, которые бы показали, что я могу справиться с этой ролью. Как мне было убедить режиссера, что *я и есть Эдвард*, что я знаю его вдоль и поперек? Я начал сомневаться, что это вообще возможно.

Была назначена встреча. Я должен был встретиться с режиссером Тимом Бёртоном. Я подготовился, посмотрев другие его фильмы — «Битлджус», «Бэтмен», «Большое приключение Пи-Ви». Пораженный очевидным магическим даром, которым обладал этот парень, я еще больше преисполнился уверенности, что он никогда не

даст мне эту роль. Мне и самому было неловко считать себя Эдвардом. После нескольких сражений не на жизнь, а на смерть с моим агентом (спасибо, Трейси), она все же заставила меня пойти на встречу.

Я прилетел в Лос-Анджелес и прямоком направился в кафе при отеле Bel Age, где должен был встретиться с Тимом и его продюсером Дениз Ди Нови. Я вошел, непрерывно куря и нервно высматривая по сторонам потенциального гения (о внешности которого не имел понятия), и БАЦ! Я увидел, как он сидит за столиком, отгородившись от всех растениями в горшках, и пьет кофе. Мы поздоровались, я сел, и мы вроде как поговорили... Впрочем, об этом я расскажу позже.

Бледный, хрупкий на вид мужчина с печальными глазами и волосами, которые выглядели так, будто всю ночь боролись с подушкой. При виде этих локонов расческа, случись у нее ноги, задала бы стрекача, оставив позади Джесси Оуэнса. Пучок на востоке, четыре веточки на западе, одинокий завиток и охваченные хаосом север и юг. Помню, я первым делом подумал: «Тебе бы немного поспать», но вслух, конечно, ничего не сказал. А затем я почувствовал себя так, словно мне по лбу прилетело кувалдой — тонны этак на две. Его руки — то, как он почти бесконтрольно размахивает ими в воздухе, пальцы, нервно постукивающие по столу, высокопарная речь (черта, общая для нас обоих), широко раскрытые, устремленные в никуда любопытные глаза, которые многое повидали, но продолжают смотреть на мир с интересом... Этот гиперчувствительный безумец — и есть Эдвард руки-ножницы.

Выпив вместе примерно три-четыре чашки кофе, запинаясь и обрывая фразы на середине, но все еще каким-то образом понимая друг друга, мы закончили встречу рукопожатием и словами «приятно было познакомиться». Я вышел из отеля накачанный кофеином, безумно грызя пластиковую ложечку как дикая, бешеная собака. После встречи с Тимом мне стало совсем поганно: в процессе общения между нами возникла совершенно искренняя связь. Мы оба понимали извращенную красоту сливочника в форме дойной

коровы, восхищались искусственным виноградом и сложной, необузданной мощью, что исходила от выполненного на бархате портрета Элвиса, — мы не просто распознали «тех, кто не похож на других», но испытывали к ним одинаковое уважение. Я был уверен, что мы сработаемся, и знал, что, дай Тим мне шанс, я смог бы воплотить его художественное видение «Эдварда руки-ножницы». Мои надежды на успех, мягко говоря, были слабы — если вообще были. Более известные актеры, нежели я, рассматривались на эту роль, боролись, ссорились, кричали и умоляли. Только один человек по-настоящему вступился за меня, и это был Джон Уотерс, великий режиссер вне правил, которого мы с Тимом глубоко уважаем и кем восхищаемся. Когда-то Джон использовал мой «привычный» образ и высмеял его в «Плаксе». Сможет ли Тим увидеть во мне что-то такое, ради чего стоит пойти риск? Я надеялся, что да.

Несколько недель прошло без каких-либо новостей, включая хорошие. Все это время я продолжал изучать роль. Теперь я не просто хотел сыграть Эдварда, я был *обязан* его сыграть. Не из-за амбиций, жадности, актерского самоутверждения, кассовых сборов, лишь потому, что история запала мне в душу и не желала с ней расставаться. Но что я мог поделать? В тот момент, когда я уже почти смирился с тем, что навсегда останусь мальчиком с телевидения, зазвонил телефон.

— Алло. — Я ответил на звонок.

— Джонни... ты — Эдвард руки-ножницы, — просто произнесли на другом конце трубки.

— *Что?* — вырвалось у меня.

— *Ты Эдвард руки-ножницы.*

Я положил трубку и пробормотал эти слова себе под нос, а потом повторял их каждому, кому не повезло оказаться у меня на пути. Черт возьми, я не мог в это поверить! Тим был готов рискнуть всем, взяв меня на эту роль. Наперекор желаниям, надеждам и мечтам студии о большой звезде, которая обеспечит кассовые сборы, он выбрал меня. Я тут же уверовал в Бога, потому что без божественного вмешательства здесь явно не обошлось. Эта

роль стала для меня не просто ступенькой в карьере. Она даровала мне свободу. Свободу творить, экспериментировать, учиться и избавляться от внутренних демонов. Из мира массового, пошлого, убивающего телевидения меня спас необычный, талантливый парень, который провел юность, рисуя странные картинки, слоняясь по окрестностям Бербанка, чувствуя себя не таким, как все (об этом я узнаю чуть позже). Я же чувствовал себя Нельсоном Манделой. Тим спас меня от циничного отношения к «Голливуду»* и ощущения, будто я никогда не смогу заниматься тем, что мне действительно нравится.

По правде говоря, тот успех, которого мне посчастливилось добиться, во многом стал следствием той единственной необычной встречи с Тимом. Думаю, не случись ее в моей жизни, я бы окончательно впал в отчаяние и ушел из того гребанного сериала по третьему варианту, пока у меня оставалось хоть какое-то самоуважение. Я также считаю, что именно вера Тима открыла мне дорогу в Голливуд.

Следующим нашим проектом стал «Эд Вуд». Об идее этого фильма Тим рассказ мне в кафе-баре «Формоза» в Голливуде. Мне хватило десяти минут, чтобы согласиться на роль. Для меня почти не имеет значения, что Тим хочет снять, — я однозначно в деле, я всегда готов поучаствовать. Мое доверие к нему — к его видению, вкусу, чувству юмора, сердцу и уму — безгранично. Я редко использую слово «гений», но иначе Тима не назовешь. Его творчество неподвластно ярлыкам. Это не балаганное волшебство — Тим не фокусник, что дурит людей посредством продуманных трюков. И речь здесь точно не про хорошо развитый

---

* Здесь Джонни использовал уничижительное выражение «Hollyweird», состоящее из двух слов: «Hollywood» и «weird» («Голливуд» и «странный/чудной»). Термин впервые был использован журналистом Уолтером Уинчеллом в феврале 1947 года для обозначения Голливуда как города и того, чем этот город так известен (не только индустрией развлечений, но и тем, что там можно встретить множество странных, чудаковатых личностей). — *Прим. пер.*

навык, потому что научиться такому нельзя. То, что есть у Тима, — это совершенно особый дар, который встречается нечасто. Он гораздо больше, чем просто режиссер. За правом называться «гений» стоят не только фильмы, но и рисунки, фотографии, мысли и идеи.

Когда меня попросили написать предисловие к этой книге, я решил вести повествование от лица того, кем был до встречи с Тимом: от лица неудачника, изгоя, просто еще одного куска голливудского мяса, которое можно подать за любой стол.

Очень трудно писать о ком-то, кто тебе небезразличен, кого ты уважаешь и чьей дружбой дорожишь. Столь же трудно объяснить отношения между актером и режиссером на съемочной площадке. Скажу лишь, что Тиму достаточно произнести несколько обрывочных фраз, наклонить голову, прищурить глаза или посмотреть на меня определенным образом, чтобы я точно знал, чего он хочет от сцены. И я всегда делаю все возможное, чтобы получилось так, как ему надо. Честно говоря, мне куда проще излить чувства к Тиму на бумаге, потому что, скажи я ему это все в лицо, в ответ получил бы серию воплей в духе банши, а может и вовсе — кулаком в глаз.

Он художник, гений, чудака, безумец, блистательный, храбрый, до чертиков смешной, верный, не признающий традиций и настоящий друг. Я перед ним в огромном долгу и уважаю его больше, чем когда-либо смогу выразить словами. Он — это он, и больше добавить нечего. Тим, без сомнения, лучший на планете имитатор Сэмми Дэвиса-младшего*.

Я никогда не видел, чтобы кто-то настолько непохожий на других находился на своем месте. *На том месте, которое принадлежит ему одному.*

Джонни Депп
Нью-Йорк,
Сентябрь 1994 года

---

* Сэмми Дэвис-младший (1925–1990) — американский эстрадный артист, певец и киноактер. — *Прим. пер.*

Предисловие Джонни Деппа к дополненному изданию

Много воды утекло с тех пор, как я соприкоснулся со славой телезвезды, или как там это называют. В моем же представлении то были годы «сделай или умри»: представьте, если хотите, растерянного юношу, несущегося на скорости света к минуте славы. Или, в чуть более позитивном ключе, стремительный жизненный урок, который в краткосрочной перспективе принес мне приличные дивиденды. Как бы там ни было, в те непростые времена телевизионных актеров не слишком охотно принимали в узкий круг киношников. К счастью, я был преисполнен решимости — даже отчаяния — остановить свой карьерный взлет/падение. Шансы были почти нулевыми, пока у таких людей, как Джон Уотерс и Тим Бёртон, не хватило смелости и дальновидности позволить мне подойти к роли самому и на своих условиях. Но не буду отвлекаться — все это уже было сказано раньше.

Я сижу, сгорбившись возле компьютера, и стучу по старой потрепанной клавиатуре, не слишком понимая, что делаю. Я понятия не имею, как поступить с тем миллионом мыслей, что крутятся в моей голове. Необходимость рассказать нечто новое об отношениях со старым добрым приятелем Тимом вынуждает меня коснуться чего-то очень личного. Одиннадцать лет назад я уже писал о нем — и с тех пор для меня ничего не изменилось. Мое восприятие Тима ничуть не изменилось, хоть в нашей жизни и произошло немало чудес, серьезно отдаливших нас от тех, кем мы одиннадцать лет назад были — или, по крайней мере, старались быть. Да, видите ли, мы с ним стали отцами. Ух ты! Кто бы мог подумать, что наше потомство будет вместе качаться на качелях и делиться игрушечными машинками и монстрами, а также,

весьма вероятно, ветрянкой? Эту сторону нашей дружбы я не мог себе представить.

Тим в роли гордого отца — зрелище, способное заставить меня разрыдаться. Всему виной его глаза, которые почти всегда говорят намного больше, чем он сам. Глаза Тима сияют, сколько я его знаю: во всех его печальных взглядах неизменно проскальзывает что-то светлое. Но сегодня они — настоящие лазерные лучи! Пронзительные, улыбающиеся, довольные... В них всегда будут таиться мрачные тени былых невзгод, но впервые эти глаза засияли надеждой на захватывающее будущее. Раньше у него был совсем другой взгляд. Так смотрит человек, у которого как будто бы есть все по крайней мере, так кажется со стороны. И все же в его глазах читается нечто незавершенное, какая-то пожирающая изнутри пустота. И, поверьте мне, за таким взглядом стоит пугающий образ жизни. Я точно знаю.

Наблюдать за Тимом и его сыном Билли — огромная радость. Между ними зримая связь, которую не описать словами. У меня такое ощущение, будто я вижу Тима, который встретился с самим собой в детском возрасте, чтобы исправить все, что было сделано неправильно, а то, что было правильно, — в разы улучшить. Я смотрю на Тима, который ждал возможности сбросить с себя личину незавершенного человека, которого уже тогда мы все знали и любили, чтобы явить миру человека более совершенного, источающего радость — таким мы видим его сегодня. Стать свидетелем этому — своего рода чудо, и для меня большая честь быть рядом с ним. Тот, кого я теперь знаю как часть трио Тим-Хелена-Билли, — это новый, улучшенный и полностью завершенный человек. Впрочем, довольно об этом. Отложу в сторону пачку бумажных платочков и возьмусь за дело. Так вот...

В 2003 году я был в Монреале, снимался в фильме «Тайное окно», когда мне позвонил Тим и спросил, могу ли я прилететь в Нью-Йорк на следующей неделе, чтобы кое-что обсудить. Ни имен, ни названия, ни сюжета, ни сценария — ничего конкретного. И, как всегда, я сказал,

что буду рад его видеть: «До встречи», что-то в этом роде. Я прилетел. Когда я пришел в ресторан, Тим притаился в угловой кабинке, в полутьме, и потягивал пиво. Я присел рядом, и мы впервые смогли задать друг другу фантастический вопрос: «Как семья?», а затем сразу перешли к делу. К Вилли Вонке.

Я был ошеломлен. Сначала меня изумили невероятные перспективы прочтения Бёртоном классического романа Роальда Даля «Чарли и шоколадная фабрика». Еще больше меня поразило то, что Тим совершенно серьезно интересовался, хочу ли я сыграть роль Вонки. Да каждый мальчишка, выросший в 70-х или 80-х годах, ежегодно пересматривал первую экранизацию с Джином Уайлдером в главной роли (он был блестящим Вонкой)! Во мне проснулся ребенок, которому не терпелось воплотить на экране этого героя. Впрочем, мой внутренний «трагик» тоже не дремал. Я прекрасно отдавал себе отчет, что каждый актер, а также его мама и золотые рыбки с домашними игуанами дяди троюродных братьев этой мамы изрубил бы друг друга на мелкие кусочки — не имей они возможности решить дело более цивилизованным образом — в борьбе за выпавший мне шанс. И все это благодаря человеку, которым я столь безгранично восхищаюсь. Не было для меня секретом и то, что за плечами у Тима — бесчисленные сражения со студиями, которые он ведет на протяжении уже многих лет ради моего участия в своих фильмах. Я понимал, что и в этот раз ему пришлось сражаться, и не мог поверить своей удаче... До сих пор не могу.

Думаю, я дал ему закончить первую фразу, прежде чем выпалил: «Я в деле». «Хорошо, — сказал он, — подумай об этом и дай мне знать...» «Нет, нет... если я нужен тебе, то я в деле». К концу ужина у нас уже было несколько находок и забавных идей о характере Вонки, обсуждение которых мы то и дело перемежали разговорами о смене подгузников, как это обычно делают взрослые мужчины, которые стали отцами. Мы отважно вышли в ночь, обменявшись рукопожатиями и коротки-

ми объятиями, как это обычно делают взрослые мужчины, которые дружат. И затем я вручил ему полный набор DVD-дисков «Уигглз»...^{*} И тут вы могли бы подумать, что взрослые мужчины так не делают, и были бы неправы. Делают. Но в обстановке строжайшей секретности. Мы попрощались, и затем я снова окунулся в свою рутину. Несколько месяцев спустя я прилетел в Лондон, чтобы приступить к съемкам.

Наши ранние обсуждения Вонки приняли более четкие очертания, и мы приступили к работе. Рассказ об одиноком человеке в тотальной изоляции, на которую он сам себя обрек, и о том, к чему такое может привести, — перед нами открывалось целое пространство для игр. Мы с Тимом исследовали многие области нашего собственного прошлого, связанные с различными сторонами характера Вонки: двое взрослых мужчин устраивали дебаты, обсуждая достоинства Капитана Кенгуру на фоне мистера Роджерса, приправляя все, скажем, рассуждениями о Винки Мартиндейле или Чаке Вулери, двух лучших телеведущих игровых шоу, которые когда-либо появлялись на экранах. В наших беседах мы забирались в такие дебри, что в итоге хохотали до слез, как школьные приятели-подростки. Нередко мы также вспоминали «местных» ведущих детских шоу, которые были чем-то средним между мимами и карнавальными клоунами. Мы смело разбирали самые коварные стратегии и отбрасывали ненужное. Мои воспоминания о тех съемках — подарок, которым я всегда буду дорожить.

Опыт съемок фильма с Тимом — это бесценный дар. Чувство было такое, словно наши мозги были соединены раскаленным проводом, из которого в любую минуту могли посыпаться искры. Процесс создания некоторых сцен заводил нас на опасную высоту: мы размечали границы дозволенного, подвешенные над пропастью на тонкой нити, что только порождало еще более абсурдные идеи и веселье.

---

^{*} Австралийская музыкальная группа для детей. — *Прим. пер.*

К моему удивлению, во время съемок «Чарли» Тим пригласил меня сыграть еще одну роль в его кукольном мультфильме «Труп невесты», который создавался параллельно. Масштаб и ответственность работы одновременно над обоими проектами могли бы свалить лошадь. Но Тим переключался между ними без особых усилий. Он являл собой непреодолимую силу. Временами я искренне не мог понять, откуда у него столько неиссякаемой и противоестественной энергии.

В общем, мы усердно трудились и все было просто великолепно. Мы смеялись как безумные над всем и ни над чем конкретно, что-то всегда под этим подразумевая. Мы без зазрений совести подражали некоторым из наших любимых шоуменов былых времен, таким блестящим людям, как Чарльз Нельсон Рейли, Джорджи Джессел, Чарли Каллас, Сэмми Дэвис-младший (всегда), Шлитц (из фильма Тода Браунинга «Уроды») и так далее. Я мог бы продолжать, и продолжать, и продолжать этот список до бесконечности, переходя от знакомых имен к практически неизвестным, когда бы не страх свести с ума наших читателей. Как-то раз мы с Тимом завели глубокую философскую беседу о том, находились ли гости шоу «Звездная прожарка с Дином Мартином» в процессе записи в одной комнате. Мы оба болезненно переживали мысль, что в действительности это могло быть не так.

Его познания в кинематографе ошеломляют и пугают своей глубиной. Например, однажды в разговоре на работе я случайно упомянул, что моя девушка, Ванесса, увлекается фильмами-катастрофами, отдавая предпочтение тем, что пострашнее. В тот же миг Тим невероятно оживился и стал активно размахивать руками: зигзаги, которые он очерчивал ими в воздухе, приняли угрожающий размах. Он называл фильмы, о которых я в жизни не слышал. Мы остановились на паре замечательных картин, которые Тим разыскал для нас в своей личной фильмотеке, — то были «Рой» и «Когда кончилось время». Напоследок он снабдил нас знаниями о существовании таких фильмов, как «Годзилла против Монстра Зеро» и «Дерев-